

Воспоминанія стараго педагога.

XI 9.

Польская рухавка въ Кіевѣ и ея комическій характеръ.—Неудачная защита и исключеніе изъ гимназіи бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ.

Въ концѣ апрѣля 1863 г. въ темную ночь, подъ предводительствомъ бывшаго берейтора университетскаго Ольшанскаго вышло изъ Кіева сотни двѣ повстанцевъ. Изчезновеніе изъ пансіона нѣсколькихъ старшихъ воспитанниковъ я впрочемъ замѣтилъ еще съ вечера и напрасно велѣлъ ихъ въ разыскивать городѣ. На другой день скоро все объяснилось. Бибиковскій бульваръ уже съ утра оживился. Шли войска, ѣхали пушки, двигались массы народа любопытныхъ поглазѣть какъ ведутъ плѣнныхъ. Около 12 час. привезли въ городъ умирающаго солдатика, раненаго инсургентами. Остановились возлѣ клиники, со всѣхъ сторонъ сбѣжались тысячи народа. Раненый, почти умирающій, лежалъ неподвижно, а возлѣ него ветеранъ 12-го года Зуевичъ держалъ патріотическую рѣчь зажигательнаго свойства. Тысячи народа были страшно возбуждены и возмущены въ особенности тѣмъ, что инсургенты застрѣлили нашего солдата въ то время, когда войскамъ еще не разрѣшено было начинать стрѣльбу. Попечитель приказалъ немедленно привести въ извѣстность всѣхъ бѣжавшихъ въ повстанье и исключить ихъ изъ списковъ учени-

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

ковъ гимназій. Въ тотъ же день собранъ педагогическій совѣтъ и на немъ-то оказалась вся сила ловкихъ польскихъ дѣятелей, руководившихся приготовленіями къ возстанію исподтишка, но притворявшихся огорченными, что молодые люди вышли въ повстанцы. Во время засѣданія совѣта моя оппозиція и во главѣ ея русскій учитель исторіи, весьма добродушный, но недалекій господинъ, разумѣется, подъ вліяніемъ учителей-поляковъ, сидѣвшихъ въ совѣтѣ молча, выступилъ съ эффектною рѣчью въ защиту бѣжавшихъ воспитанниковъ, оправдывая ихъ тѣмъ, что они увлечены благородною любовью къ своему отечеству. Я далъ оратору окончить рѣчь и затѣмъ, вставши, съ своей стороны держалъ рѣчь, что въ Кіевѣ я знаю одно только отечество Россію и что не время говорить о любви къ польскому отечеству ополяченныхъ русскихъ, когда за стѣнами они проливаютъ кровь русскихъ. Мой оппонентъ не имѣлъ однако столько благоразумія, чтобы замолчать, и началъ снова поддерживать свое мнѣніе о снисхожденіи; тогда я прямо замѣтилъ, что я не могу допустить въ совѣтѣ его разглагольствій въ такомъ направленіи и, если онъ не замолчитъ, закрою засѣданіе совѣта. Только такимъ образомъ мнѣ удалось остановить потокъ краснорѣчія и благополучно завершить засѣданіе совѣта. Совѣтъ единогласно рѣшилъ исключить бѣжавшихъ въ повстанье учениковъ. Только три голоса: оратора русскаго и двухъ поляковъ отказались отъ подачи голоса.

Однако не скоро еще окончилась моя борьба съ польскою партією. Въ 1863 г. по распоряженію генераль-губернатора и попечителя я командированъ былъ въ м. Немировъ для участія въ производствѣ политическаго слѣдствія о жандармахъ-отравителяхъ. Возмутительное это дѣло началось въ Немировской гимназій съ того, что ученикъ VII класса полякъ Мисѣвичъ передалъ товарищу своему ополяченному русскому православному Баковецкому ядъ для отравленія учителя гимназій Воронаго (яраго) весьма вліятельнаго, но яраго противника поляковъ. Ученикъ, получившій ядъ или потому, что очень любилъ учителя, или просто вслѣдствіе того, что въ немъ проснулась совѣсть, сознался во всемъ учителю. Дано знать директору, попечителю и генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ Анненковъ назначилъ подъ предсѣдательствомъ помощника командующаго войсками генерала Семякина комиссію изъ старшаго чиновника особыхъ порученій Андреевскаго и, по указанію попечителя, меня. Въ началѣ ноября мы въ одинъ день двинулись въ путь и всѣ трое встрѣтились на станціи въ Бѣлой церкви, а за тѣмъ вмѣстѣ же отправились въ Немировъ и расположились въ палацѣ Потоцкаго, въ которомъ была отведена квар-

тира для слѣдовательной комиссіи. Скоро разъяснилось все дѣло. Гимназистъ Мисѣвичъ оказался только орудіемъ другого лица, которое именovalo себя капитаномъ жандармовъ. Это былъ молодой человѣкъ, недавно окончившій университетъ, вѣкто Левецкій. Мы успѣли его разыскать и арестовать. Оказался очень ловкій и, по-видимому, скромный молодой человѣкъ съ бѣлокурою небольшою бородкою, со всѣми признаками хорошаго тона. Мы съ Андреевскимъ согласилась обойтись съ нимъ какъ можно вѣжливѣе и дѣйствительно своимъ спокойствіемъ довели его до раскаянія. Предъ нами раскрылась не столько со словъ Левецкаго, сколько изъ разныхъ бумагъ, захваченныхъ при арестахъ (которымъ признано необходимымъ до 40 арестовъ), вся, такъ сказать, подноготная польской интриги. Пришлось производить изслѣдованіе о такъ называемой пантофлевой почтѣ преимущественно посредствомъ евреевъ, а также разбирать всѣвозможныя шифры и всякія переписки. Я заинтересовался дѣломъ и незамѣтно, помимо производства слѣдствія, перешелъ на почву изслѣдованія причинъ польскаго возстанія. Почти цѣлый мѣсяць¹⁾ я провелъ въ Немировѣ и успѣлъ изучить всѣ тайныя пружины польской интриги среди милліоновъ русскаго православнаго населенія. Оказалось, что это въ высшей степени курьезное явленіе обуславливалось въ значительной степени тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находился Юго-Западный край со времени воссоединенія его съ Россією.

По присоединеніи Кіевской, Волинской и Подольской губерній во второй половинѣ 18-го вѣка русское правительство, по-видимому, мало обращало вниманія на особенности края и на предупрежденіе ополяченія края. Между тѣмъ, польское дворянство, захватившее въ свои руки обширныя помѣстья, приняло съ своей стороны самыя рѣшительныя мѣры для этой цѣли. Средствомъ къ этому служили школы, на учрежденіе которыхъ, съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, не скупились паны. Послѣ возстанія 1830 г.

¹⁾ Странно, однако, распорядилось правительство подъ конецъ производства дѣла. Сначала былъ отозванъ помощникъ командующаго войсками Семякинъ, потомъ уѣхалъ Андреевскій, и я съ огромнымъ дѣломъ и массою арестованныхъ остался одинъ въ громадномъ палацѣ Потоцкаго, имѣя помѣщенія возлѣ балкона, выходившаго въ тѣнистый садъ. Миѣ предлагали солдатика для охраны, но я рассудилъ, что такая мѣра не защититъ меня и скорѣе вызоветъ катастрофу, а потому отказался отъ охраны и въ теченіе одной недѣли былъ одинъ, пока не пріѣхалъ новый слѣдователь. Полякамъ ничего не стоило изъ саду, черезъ балконъ, пробраться въ мою квартиру и уничтожить меня, вмѣстѣ съ дѣломъ. Но подъ вліяніемъ страха, или по другимъ причинамъ они меня оставили въ покоѣ.

польскія школы закрыты, но замѣнъ ихъ не дано достаточнаго числа школъ русскихъ. Мало того, крестьянскому, т. е. русскому православному населенію вовсе воспрещено было поступленіе въ высшія дворянскія школы. Вся интеллигенція края, за исключеніемъ Кіева, сосредоточивалась въ средѣ польскаго дворянства. Во всемъ краѣ былъ единственный магазинъ съ русскими книгами. Въ домахъ употреблялся календарь Бердичевскій на польскомъ и русскомъ языкѣ. Независимо отъ того, въ началѣ царствованія Императора Александра II, благодаря новымъ либеральнымъ вѣяніямъ, поляки принялись просвѣщать народъ на польскихъ букваряхъ и даже устроили тайныя общества для распространенія въ краѣ польскихъ книгъ. Польскіе буквари раздавались даромъ или даже навязывались. Даже православное духовенство не прочь было поощерять знаніемъ польскаго языка, чему я лично былъ свидѣтелемъ во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи. Неудивительно, что, благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ, значительная часть населенія быстро ополячилась.

Даже въ Кіевѣ, гдѣ въ началѣ XIX столѣтія не было ни одного учащагося въ Главномъ народномъ училищѣ поляка, даже въ Кіевѣ на каждомъ шагу слышался польскій языкъ и состояло два книжныхъ магазина съ польскими книгами.

ХІІ.

Изданіе „Кіевскаго народнаго календаря“.—Замѣна имъ Бердичевскаго польскаго календаря.—Нападеніе на изданіе кіевскихъ украинофиловъ.—Сочувствіе изданію календаря и быстрое увеличеніе числа подписчиковъ.

Возвратившись въ Кіевъ послѣ командировки, я подробно изложилъ попечителю округа всѣ мои соображенія о мѣрахъ противо-дѣйствія польской интригѣ и вмѣстѣ представилъ и свое предположеніе объ изданіи въ Кіевѣ „Народнаго календаря“, который бы могъ замѣнить мало-по-малу „Бердичевскій календарь“. Попечитель принялъ очень сочувственно мои предложенія, и я немедленно взялся за дѣло, посовѣтовавшись съ помещникомъ попечителя Михневичемъ, который нѣсколько лѣтъ издавалъ „Одесскій календарь“. Я горячо взялся за изученіе календарнаго дѣла и за тѣмъ за составленіе календаря. Къ лѣту 1864 г. я уже приготовилъ Кіевскій народный календарь на 1865 годъ. Оставалось приступить къ печатанію его; но вдругъ встрѣтилось затрудненіе. Польскій календарь издавали безпрепятственно; но изданіе русскаго календаря признано подрывомъ монополіи академіи, а потому составленную мною

рукопись попечитель представилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и просилъ разрѣшенія мнѣ приступить къ печатанію моего труда. По разсмотрѣніи въ министерствѣ, я, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ получилъ разрѣшеніе приступить къ изданію моей книги. Я обратился въ типографію Кіево-Печерской лавры и просилъ о скорѣйшемъ напечатаніи календаря. Въ теченіе мѣсяца типографія, снабженная въ это время новыми скоропечатными машинами, успѣла выпустить книгу въ десяти тысячахъ экземпляровъ. Первое изданіе быстро разошлось, можно сказать не болѣе, какъ въ двѣ недѣли. Я немедленно напечаталъ еще 5 тыс.; но и этихъ оказалось недостаточно. Въ концѣ декабря я еще прислалъ напечатать три съ половиною тысячи экземпляровъ. Такъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разошлось 18.500 экз. календаря. Такое быстрое распространеніе книги (въ особенности, если принять во вниманіе, что я по неопытности не сдѣлалъ объявленія о книгѣ въ газетахъ, и въ распространеніи ея пользовался только услугами единственнаго тогда кіевского книгопродавца Литова), несомнѣнно доказываетъ, что мною была угадана потребность въ краѣ въ русской настольной книгѣ и что слѣдовало всѣми мѣрами поддержать изданіе.

Въ этихъ видахъ бывшій кіевскій генераль-губернаторъ Александръ Павловичъ Безакъ, находя Кіевскій народный календарь удовлетворяющимъ своему назначенію, призналъ необходимымъ оказать русскому изданію свое дѣйствіе воспрещеніемъ Бердичевского польскаго календаря на томъ основаніи, что онъ издается на польскомъ языкѣ и не можетъ удовлетворять потребностямъ большинства населенія Юго-Западнаго края.

Тѣмъ не менѣе по усмиреніи польскаго возстанія, когда поляки совершенно затихли, выступилъ моимъ оппонентомъ и съ яростью набросился на мою скромную книжку или лучше на мой первый опытъ календарной дѣятельности кружокъ украинофиловъ, который въ то время трудился надъ изданіемъ народныхъ книжекъ на малороссійскомъ нарѣчій и хлопоталъ о признаніи этого послѣдняго нарѣчія школьнымъ языкомъ. Появленіе моего календаря, на общерусскомъ литературномъ языкѣ, понятно разсматривалось негласно моими оппонентами, какъ подрывъ ихъ дѣятельности; и такъ какъ я по происхожденію—малороссъ, то они стали смотрѣть на меня какъ на ренегата, измѣнившаго интересамъ своей родины. Такой взглядъ высказывался, разумѣется, не печатно; но тѣмъ не менѣе меня, признаюсь, крайне огорчалъ и побудилъ меня выступить на защиту своего изданія. Началась полемика, которая, какъ я ни старался держаться на почвѣ литературнаго спора, скоро однако

перешла въ область національных пререканій. Двадцать слишкомъ лѣтъ продолжался этотъ горячій споръ, который постоянно поддерживалъ меня въ напряженномъ состояніи и заставлялъ развивать въ ущербъ своимъ матеріальнымъ средствамъ мою издательскую дѣятельность. Въ пылу своей горячности и увлеченія я кромѣ календаря, изданія котораго расходились съ начала въ 40 тыс., потомъ въ 50, въ 60 и даже въ 67-ми тысячахъ экземпляровъ, началъ десятками тысячъ экземпляровъ издавать букварь, книгу для чтенія и друг. книги, назначая продажную цѣну не дороже 2 к. за печатный листъ. Календарь вмѣсто четырехъ обѣщанныхъ листовъ сталъ издавать въ 12-ти. И все дальше и дальше увлекался подъ вліяніемъ патріотическихъ стремленій, которыя мои оппоненты прозвали почему-то квасными. Но это и естественно: съ ихъ точки зрѣнія, мой патріотизмъ могъ показаться даже и горькимъ для нихъ, какъ бы я ни старался подсластить его пользою дѣла. Весьма интересно припомнить всѣ перипетіи моей полемики съ крайними украинофилами, полемики, которая, нужно правду сказать, не убѣдила спорящихъ, но лично мнѣ принесла пользу въ томъ отношеніи, что я могъ выработать ясное сознаніе своей роли и окончательно утвердиться въ своихъ убѣжденіяхъ.

ХІІІ.

Мои отношенія къ малороссійскому сепаратизму.—Кулишъ и его „Основа“.—Пребываніе Кулиша въ Черниговѣ.—Кіевскій кружокъ украинофиловъ и его дѣятельность.

Еще на университетской скамьѣ, когда арестовали Костомарова и Шевченка, я при всемъ сочувствіи къ Костомарову, какъ къ профессору, и къ Шевченку, какъ къ народному поэту; при всемъ несочувствіи къ неумѣстной строгости правительства, не могъ не сознавать всей нелѣпости малороссійскаго сепаратизма и въ особенности не сочувствовалъ обнаруженному корифеями украинофильства стремленію обособленія языка, литературы и школы малороссійской. Мнѣ всегда казался страннымъ взглядъ на выработавшійся исторически обще-русскій литературный языкъ, какъ на иностранный, и еще страннѣе было стремленіе нѣкоторыхъ господъ помимо существующаго языка школы, для мужиковъ выдумать мужичій языкъ и учить на немъ въ такъ называемой народной школѣ, на югѣ Россіи. Вотъ почему еще въ пятидесятыхъ годахъ, по вступленіи на престолъ Александра ІІ, когда малороссійскій сепаратизмъ высказался и началъ упорно проводиться въ нѣкото-

рыхъ органахъ печати и когда, въ бытность мою учителемъ Черниговской гимназіи, мы, учителя гимназіи, и въ числѣ ихъ нѣсколько ярыхъ приверженцевъ украинофильства (такъ, на примѣръ, И. П. Дорошенко, докторъ Носъ, или какъ его мы называли по-малороссійски, Нисъ, переводчикъ басенъ Крылова на малороссійское нарѣчіе Л. И. Глѣбовъ и друг.), начали собираться другъ у друга и обсуживать текуція дѣла, я выступилъ постояннымъ антагонистомъ обособленія или сепаратизма. Но это были дружескіе споры, чисто теоретическаго характера, которые не вносили ни капли горечи въ мои товарищескія отношенія. Въ интимныхъ бесѣдахъ я не стѣснялся высказывать свои искреннія убѣжденія на свой взглядъ на отношенія Сѣвера и Юга или великороссовъ и малороссовъ, доказывалъ, что спасеніе для Малороссіи одно и главное средство развитіе гражданственности и политической свободы ея заключается въ полномъ единеніи языка и школы. Проводя такой взглядъ, я не руководствовался политикою, ни такъ названнымъ моими оппонентами кваснымъ патріотизмомъ, а просто стоялъ за историческую правду и потому что въ увлеченіи моихъ дорогихъ земляковъ, которыхъ очень любилъ, видѣлъ грубую ошибку, которая при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ быть обращена врагами русской народности во вредъ Россіи и въ ущербъ народныхъ интересовъ моей родины. Мнѣ толковали, что малороссы особый народъ, такъ же чуждый великороссамъ, какъ и поляки, и что какъ особый народъ или особая нація они должны имѣть свой особый литературный языкъ, свою особую школу. Но всѣ эти доводы для меня были тѣмъ менѣе убѣдительно, что мои друзья проводили ихъ не столько по собственному убѣжденію, сколько по внушенію литературныхъ органовъ, которые съ расцвѣтомъ свободы слова, совпадавшей съ возвращеніемъ изъ ссылки Костомарова и Шевченки, начали свободно защищать такія ошибочныя тенденціи. Скоро кружокъ украинофильскій въ Петербургѣ, въ главѣ съ такъ называемыми на тогдашнемъ языкѣ „мучениками за свободу“ Костомаровымъ, Шевченкомъ, Бѣлоозерскимъ и Кулишемъ, открылъ свою публицистическую дѣятельность изданіемъ органа своей партіи, подъ названіемъ „Основы“. Издатель и главный поставщикъ статей для этого журнала, П. К. Кулишъ, основательно готовился къ изданію его, разъѣзжая по всей Малороссіи для собранія матеріаловъ и на мѣстѣ приглашая сотрудниковъ, что впрочемъ не предупредило рановременной смерти „Основы“, а также того, что сами же украинофилы прозвали свою „Основу“ горшкомъ съ Кулишемъ, иронически указывая, что въ послѣдній годъ существованія „Основы“ Кулишъ всецѣло дѣлаетъ ее своимъ

личнымъ журналомъ, который по недостатку сотрудниковъ преимущественно наполнялъ своими трудами.

Въ 1859 г. лѣтомъ Кулишъ прибылъ въ Черниговъ и началъ играть роль великаго литератора и вмѣстѣ малороссійскаго патриота. Я въ это время много трудился надъ исторіей учебныхъ заведеній. Объ этомъ знали мои друзья украинофилы; такъ какъ я прочитывалъ имъ нѣкоторые интересные эпизоды изъ прошлаго. Вѣроятно, они сообщили о моей дѣятельности и Кулишу. По всей вѣроятности, Кулишъ, желая приобрѣсть сотрудника, явился ко мнѣ, сколько помнится, съ докторомъ Нисомъ и учителемъ Дорошенкомъ и началъ уговаривать меня писать по-малорусски. Я, ничтоже сумняся, прямо высказалъ свои убѣжденія. Изъ этого возникъ оживленный споръ у меня съ Кулишемъ, который кончился, какъ всякіе тенденціонные споры, ничѣмъ. Финаломъ этого спора была выходка Кулиша, которая совершенно отняла у меня всякую охоту спорить. Онъ началъ съ апломбомъ доказывать, что подъ Польшею Малороссіи лучше жилось, чѣмъ по воссоединеніи съ Россією. Доводы Кулиша такъ грѣшили противъ исторической истины, что просто казались нелѣпыми софизмами, не заслуживавшими серьезнаго вниманія. Напрасно я старался доказать всю неосновательность выводовъ Кулиша и убѣдить его, что наше обособленіе будетъ вмѣстѣ и нашимъ ослабленіемъ. Онъ стоялъ на своемъ и зло нападалъ на мое руссофильство.

Интересно при этомъ вспомнить, какъ встрѣтило великаго патриота малороссійскаго черниговское общество или, лучше сказать, служащіе въ Черниговской гимназій. Въ первое время они имъ восторгались, а подъ конецъ его пребыванія какъ-то охладѣли. Причиною этого было нелѣпое поведеніе Кулиша съ возлюбленною имъ украинофилкою Параскою, женою одного изъ учителей. Его игра въ чувства, возложеніе на себя публично сплетеннаго Параскою вѣнка и масса разныхъ мелочей въ такомъ родѣ охладили сочувствіе къ нему. Не лучше его приняли и черниговскіе мальчишки, уличники. Иллюстраціей ихъ отношенія къ его персонѣ можетъ служить слѣдующій случай:

Кулишъ явился ко мнѣ въ костюмѣ необыкновенномъ: въ широчайшихъ шелковыхъ красныхъ шароварахъ, въ архалукѣ, имѣвшемъ изображать крестьянскую свиту, и чуть ли не въ смушевой шапкѣ. Посидѣвши у меня часа два, онъ предложилъ прогуляться въ такъ называемый Константиновскій садъ, или, лучше, простой валъ на берегу р. Стрыжня, охраняемый двумя старыми заржавленными пушками. Едва мы вышли на площадь предъ соборомъ, какъ собралась куча мальчишекъ съ крикомъ: Турокъ! Турокъ!

Шалуны продолжали кричать, указывая на Кулиша. Такой приемъ повидимому, смутилъ будущаго издателя „Основы“, и онъ круто повернулъ съ площади въ проулокъ по дорогѣ къ квартирѣ доктора Носа, гдѣ онъ остановился. Мы пришли къ Носу; но разговоръ не клеился, и я поспѣшилъ удалиться домой. Случай этотъ самъ по себѣ не важенъ, но онъ навелъ меня на многія размышленія, а главнымъ образомъ служилъ блистательнымъ доказательствомъ, насколько мечты о старой козачинѣ и о самобытности Малороссіи гармонировали съ дѣйствительностію.

Такъ Кулишъ съ своими шароварами потерпѣлъ фіаско въ лицѣ юныхъ отпрысковъ черниговскаго мѣщанства. Не успѣлъ онъ убѣдить и меня писать для „Основы“ по-малороссійски. Къ сожалѣнію, моя встрѣча съ украинофильствомъ не была послѣднею. Переѣхавши въ Кіевъ, я уже засталъ окрѣпшій кружокъ крайнихъ украинофиловъ при университетѣ. Кружокъ этотъ скоро, однако, изъ стѣнъ университета перешелъ на поприще общественной дѣятельности. Во главѣ этого кружка становятся люди даровитые, энергическіе, которые захватываютъ въ свои руки воскресныя школы, а по закрытіи ихъ, благодаря попустительству тогдашняго инспектора казенныхъ училищъ, а впоследствии помощника попечителя М. А. Тулова, хотя отчасти приобрѣтаютъ вліяніе на правительственныя школы, основанныя въ Юго-Западномъ краѣ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1862 г. Смѣлость и самоувѣренность украинофиловъ доходитъ до того, что въ либеральное министерство народнаго просвѣщенія Головнина официально ходатайствуютъ объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ нарѣчій и успѣли даже выхлопотать казенную субсидію на изданіе такихъ книгъ.

„Напечатано прежде всего собраніе басенъ Крылова на малорусскомъ нарѣчій, и мнѣ, за отсутствіемъ Тулова и передачею во временное завѣдываніе школъ, пришлось платить за напечатаніе этого изданія съ громкимъ заглавіемъ „отъ громады“, но изъ казеннаго кармана. Богъ вѣсть куда бы мы дальше пошли, если бы вдругъ не грянулъ каракозовскій выстрѣлъ, который далъ совершенно другое направленіе внутренней политикѣ правительства. Въ это время министерство Головнина сходитъ, со сцены, и начинается эпоха преобразованій графа Толстого. Въ Кіевѣ попечительствоютъ одинъ за другимъ князь Ширинскій-Шихматовъ до 1867 г. и за тѣмъ генералъ Платонъ Александровичъ Антоновичъ съ 1867 по 1880 годъ.

А. Ө. Андріяшева.

(Продолженіе слѣдуетъ).